

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К СЕБЕ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДИКИ УПРАВЛЯЕМОЙ ПРОЕКЦИИ

Столин В. В.

Эмоционально-ценностное отношение к себе, выступающее на положительном полюсе в виде гордости, чувства собственного достоинства, уважения к себе, а на отрицательном — в виде презрения, сознания собственной малоценности и т. п., является одной из важнейших образующих личности. Исследование этой образующей важно как для адекватного понимания личности в целом, так и для общепсихологического решения проблемы общения, которая в последнее время стала занимать в советской психологии заметное место [5, 11, 14, 15]. Готовность к общению, выбор партнера, да и сам характер общения во многом зависят от того, относится человек к себе со спокойным достоинством, или преисполнен сознанием своей исключительности, или чувствует себя никчемным и жалким. Несмотря на актуальность и значимость проблемы, она остается в отечественной литературе малоработанной. И. И. Чеснокова справедливо объясняет это сложностью и интимностью данного психологического образования, обуславливающими малую его доступность для экспериментального исследования [19].

Сложность эмоционально-ценностного отношения к себе как психологического феномена обуславливается рядом факторов. Во-первых, отношение к себе¹ или, в другой терминологии, самоуважение [10] — есть интегральная характеристика, не сводимая к конкретной частной самооценке. Можно сказать, что отношение личности к себе — есть наиболее интегральный личностный смысл [12], т. е. осмысление самого себя в аспекте собственных наиболее значимых деятельностей. Тем самым и экспериментальные показатели эмоционально-ценностного отношения должны соотноситься с этими деятельностями и иметь интегральный характер. Во-вторых, положительное отношение к себе имеет столь важное значение для поддержания психологического комфорта и здоровья личности, что отнюдь не удивительны случаи, когда человек избегает актуального осознания негативного отношения к себе или не хочет высказать его перед посторонними. Это обстоятельство лежит, по-видимому, в основе того неутешительного вывода, к которому пришла американская исследовательница R. Wylie на основе анализа большого числа экспериментальных работ: в психологии еще нет адекватных средств для изучения бессознательного представления о себе [31]. Это же обстоятельство требует большей осторожности в использовании вербальных самооценочных методик для анализа отношения к себе [10]. В-третьих, эмоционально-ценностное отношение к себе, будучи (наряду с когнитивным) компонентом самосознания и образа «я», связано с процессами познания другого человека и взаимоотношений с ним [3, 10,

¹ Для краткости наряду с термином «эмоционально-ценностное отношение» мы будем употреблять термин «отношение к себе» как синонимичный.

16—19, 22]. К. Марксом [1] в его известном высказывании о Петре и Павле был сформулирован тезис о том, что самосознание является генетически производным от процесса познания другого человека. В ходе развития личности это отношение становится обратным: степень развития самосознания теперь является определяющей в познании другого, человек судит о другом по аналогии с собой, в рамках **значимых для него** категорий, а то и просто приписывая другим свои собственные черты, мысли, чувства и т. д. [16]. И, наконец, отношение к себе связано с оценками или шире — отношениями окружающих к личности. Этими окружающими могут быть как конкретные люди, с которыми данный человек общается, так и обобщенный «другой», выступающий в виде общественных норм и ценностей.

Таким образом, эмоционально-ценностное отношение проявляется не только непосредственно — в виде переживания или оценки собственного «я», но и опосредованно — как отношение к другому и ожидаемое отношение другого к себе. Полноценная исследовательская методика должна, по-видимому, раскрывать все три формы проявления эмоционально-ценностного отношения.

Анализ существующих методов исследования самосознания и эмоционально-ценностного отношения к себе, в частности, показывает, что наиболее адекватной исследовательской техникой является проективная — типа Тематического Апперцептивного Теста (ТАТ) [28]. Принципиальная приемлемость проективной техники обусловлена ее соответствием отмеченной выше сложной структуре эмоционально-ценностного отношения к себе и множественности форм его проявления. Так, например, в ТАТ отношение к себе может выступить в виде отношения к другим — персонажам, изображенным на таблицах. При этом ответ интерпретируется на основе представлений о проекции, т. е. приписывания персонажу своих собственных черт. Присутствие на изображениях нескольких персонажей и включение в рассказ их взаимных оценок позволяет проследить связь самосознания «героя» и оценок окружающих — «значимых других»; выбор сюжетов, сфер деятельности проективных персонажей позволяет понять, какие же сферы жизнедеятельности индивида значимы для его отношения к себе; наконец, проективные методы, по крайней мере по идее их создателей, и были направлены на неосознаваемый уровень психической активности.

Тем не менее существующие проективные методики ставят ряд трудностей. Дело в том, что информацию о самосознании можно извлечь из проективных рассказов при соблюдении четырех условий. Необходимо, чтобы по рассказам можно было определить «героя», т. е. с каким из изображенных в таблице персонажей испытуемый идентифицирует себя; затем испытуемый должен затронуть именно ту сферу жизнедеятельности, которая интересует экспериментатора. Важно также, чтобы испытуемый достаточно подробно описал самосознание героя и отношение к нему других. И, наконец, всякий раз необходима уверенность, что то или иное чувство, приписанное субъекту, можно понимать в прямом или же, вследствие механизмов защиты, противоположном смысле. Эти условия, которые отнюдь не всегда легко выполнить, требуют существенной модификации проективного метода. Такая модификация должна дать возможность экспериментатору **направить** проективные рассказы в заданное русло и обеспечить идентификацию с предъявляемым персонажем.

Эта идея имплицитно содержится в таких модификациях ТАТ, в которых испытуемому предлагаются картинки более определенного содержания (например, намекающие на профессиональные отношения) и задаются наводящие вопросы относительно изображенных персонажей [26]. В этом случае обеспечивается проекция на заданную тему. Другой прием состоит в том, что испытуемому тахистоскопически предъявляют для оценки его собственный, но не опознаваемый им профиль, фотогра-

фию его рук и т. д. [22, 32]. Считается, что в этом случае обеспечивает идентификация, т. е. по оценкам предъявляемого профиля, рук и т. п. можно судить об эмоциональном отношении к себе, даже если это отношение бессознательное. Однако, насколько нам известно, не существует метода, сочетающего возможности управлять проекцией сразу в нескольких аспектах: и темы (сферы деятельности), и предмета проекции (в данном случае различных форм отношения к себе), и идентификации с предъявленным персонажем.

Задача настоящего исследования — разработка методики управляемой проекции, предназначенной для клинического и экспериментального исследования эмоционально-ценностного отношения к себе во взаимосвязи трех форм его проявления: переживаемого осознаваемого или неосознаваемого отношения к себе; ожидаемого отношения к себе другого; отношения к другому, — а также для исследования связанных с этими отношениями мотивов важнейших деятельности и установок на общение. С этой целью мы разработали следующий методический прием. Испытуемому предъявлялся его собственный словесный портрет под именем вымышленного лица и портрет его вымышленной противоположности, а затем предлагалась задача на «проницательность»: ответить на ряд вопросов, касающихся мотивов этих вымышленных персонажей и их возможных взаимоотношений между собой и с испытуемым. Затем с помощью анализа содержания ответов на вопросы о мотивах и взаимоотношениях выяснялся характер эмоционально-ценностного отношения к персонажам и ожидаемого отношения этих персонажей к себе.

Реализация этих задач позволяет исследовать эмоционально-ценностное отношение в двух формах: ожидаемое отношение к себе и отношение к другому. Если предполагается исследование только в этих двух формах, то никакой специфической методической проблемы не возникает. Но в данной работе делается попытка трактовать эмоционально-ценностное отношение, выраженное к другому как самоотношение, т. е. использовать феномен проекции. Различные виды проекции и многозначность интерпретации любого эмпирического проявления этого феномена проанализированы в работе D. Holmes [23]. Допустим, испытуемый приписывает некоторому реальному или воображаемому лицу высокое самоуважение. Это может быть проекцией: 1) его собственного высокого самоуважения; 2) его неосознанного высокого самоуважения; 3) прямо противоположного отношения к себе (низкого самоуважения), опять же осознаваемого или неосознаваемого. Это обстоятельство и заставляет нас уделять основное внимание доказательству гипотезы о том, что эмоционально-ценностное отношение, демонстрируемое к подобному по личностным качествам персонажу, непосредственно выражает отношение к себе, причем даже тогда, когда испытуемый осознает себя непохожим на этот персонаж, в то время как мнение о противоположном персонаже отражает отношение испытуемого к «не я», т. е. к персонифицированным противоположным личностным качествам.

МЕТОДИКА

Испытуемому предъявлялись два словесных портрета, один из которых — портрет самого испытуемого (персонаж А), другой — портрет его вымышленной противоположности (персонаж В). При этом важны два условия: портрет подобного персонажа (персонаж А) должен быть достаточно обобщенным, чтобы испытуемый не мог уверенно узнать в нем себя, и в то же время достаточно похожим на него, чтобы испытуемый все-таки почувствовал это сходство.

Мюррей (H. Murray) при описании ТАТ указывал, что «герою», т. е. персонажу, с которым идентифицируется испытуемый, как правило, приписываются те же пол, возраст, социальный статус, которыми обладает сам испытуемый [28]. Вследствие этого, если нам необходимо, чтобы испытуемый идентифицировался со словесно описанным персонажем, надо придать ему (персонажу) те же возрастные, половые и социально-ролевые признаки, которыми обладает и сам испытуемый. Это же требование вытекает

из следующего факта: при свободных самоописаниях по методике «Кто я есть» чаще всего встречаются определения возраста, социальной роли, пола и профессии. В обоих портретах три признака были одинаковыми — пол, возраст, социальный статус (студент), четвертый же — будущая профессия — различался: в портрете *А* указывалась будущая профессия историк, близкая нашим испытуемым (филологам), а в портрете *В* — профессия вычислитель-математик, далекая от профессии испытуемых. Кроме того, в портреты вводились личностные характеристики персонажей. Для этого испытуемые предварительно отвечали на опросник 16 личностных факторов Кэттелла. На основе обработки данных опросника традиционным способом в портрете *А* указывались личностные особенности, характеризующие самого испытуемого, а в портрете *В* — противоположные. Так, если испытуемый характеризовался низким значением фактора *С*, т. е. как эмоционально неустойчивый, легко теряющий равновесие, то это же указывалось и в портрете персонажа *А*; персонаж *В* характеризовался как устойчивый, спокойный, выдержанный. Текст портрета был кратким и имел в зависимости от числа значимых по анкете факторов 2—4 машинописных строки. Для большей убедительности портрет подписывался вымышленными инициалами.

С каждым испытуемым экспериментатор встречался дважды: первый раз — для заполнения опросника Кэттелла, повторно — после обработки результатов для выполнения трех экспериментальных заданий.

В первом задании испытуемых просили выполнить тест на «проницательность», умение понимать других людей — качество, важное для их будущей профессии. Для каждого из вымышленных персонажей испытуемый должен был письменно ответить на два блока вопросов, относящихся к мотивам учебы и мотивам общения с лицами противоположного пола:

Ряди чего эта девушка поступила в вуз?² Какие причины побудили ее поступить именно в этот вуз? Что она ждет от своей будущей специальности и что ее привлекает в ней? Как она оценивает свои профессиональные перспективы? Каково, по Вашему мнению, будущее этого человека? Будет ли она стремиться к профессиональному успеху и достигнет ли его? Что эта девушка ищет в общении с молодыми людьми? Что ее привлекает в друге? Каким она представляет себе мужа? Как она оценивает себя: что она могла бы дать своему другу, какой была бы женой? Какой мужчина мог бы лучше всего выполнить для нее роль мужа?

После ответов за персонажей испытуемый должен был ответить на те же вопросы, но за себя.

Во втором задании испытуемым предъявлялась несколько адаптированная шкала локуса контроля³ Роттера [30], содержащая альтернативы типа: «Многие несчастья в жизни людей объясняются невезением» или «Людские последовательные результаты их собственных ошибок». Испытуемый последовательно выполнял задание за обоих персонажей, а затем за себя, при этом он выбирал из двух предположений то, с которым согласился бы данный персонаж (или в последнем случае он сам). В третьем задании испытуемого просили указать, какие взаимоотношения сложились бы у него с обоими описанными людьми и у них между собой, а также какие чувства испытывали бы все трое друг к другу.

Работа с «живыми» текстами ответов на вопросы о мотивах, отдельные из которых представляли собой целые сочинения, равно как и с ответами на «открытые» вопросы о чувствах персонажа и испытуемого друг к другу, потребовала дополнительной процедуры анализа соответствующих текстов, которая заключалась прежде всего в выборе основных смысловых единиц — категорий контент-анализа и их эмпирических индикаторов, присутствующих в текстах ответов.

Контент-анализ с целью выявления эмоционально-ценностного отношения к другому. Традиционно при анализе отношения к другому и межличностной привлекательности различные эмоциональные реакции одного человека в адрес другого рассматриваются как лежащие на оси симпатия — антипатия [13, 20, 23, 25]. В то же время отношение к себе рассматривается как лежащее в основном на оси уважение — презрение [10, 29]. Теоретический тезис о генетическом родстве этих отношений заставляет искать систему категорий, одинаково приложимую к обоим видам отношений. Наши предварительные данные показали, что в тексте приписывания мотивов присутствуют, как правило, оба момента эмоциональных отношений. Поэтому за исходную схему анализа мы приняли двухмерную систему координат с осями симпатия — антипатия и уважение — презрение. Соответственно имелось восемь категорий анализа: симпатия; антипатия; уважение; презрение; симпатия и уважение; симпатия и презрение; антипатия и уважение; антипатия и презрение. Одинаковый набор категорий использовался для анализа отношения к персонажам, выраженного как спонтанно, так и по инструкции; однако

² Поскольку в наших опытах участвовали в основном девушки, текст вопросов приводится в «женском варианте».

³ Показатель локуса контроля *L* рассчитывали следующим образом:
внутренние ответы — внешние ответы

L может варьировать от +1 при крайне внутреннем локусе до —1 при крайне внешнем.

из-за отличия в лексике при выражении эмоционально-ценностного отношения в обоих случаях конкретные индикаторы категорий различались.

При анализе спонтанного отношения к персонажам, проявившегося в контексте приписывания мотивов, критериями симпатии служили: прямые выражения благожелательности, позитивного эмоционального отношения, сочувствия и солидарности; оправдания приписываемых персонажу действий, мотивов, слабостей; приписывание персонажу сомнений, размышлений и т. п.; приписывание характеристики «любящий» предполагаемому мужу персонажа; развернутость ответов вплоть до сочинений на 4—5 страницах и т. д. Об антипатии свидетельствовали: выражения неприязни; домысливание качеств, помыслов и обстоятельств, негативно характеризующих персонаж; использование кавычек, как правило, многократное; приписывание стремления к достижению, но с негативным прогнозом («будет стремиться к достижению успеха, но не достигнет»); обвинение гипотетического мужа в эгоизме и т. д. Об уважении говорили: указания на общественно-ценные качества, самостоятельность в выборе профессии; выражение зависти или восхищения; подчеркивание стремления к достижению и положительный прогноз («будет стремиться к достижению профессионального успеха и обязательно его достигнет»); приписывание предполагаемому мужу сходства с персонажем, как правило, в энергичности, целеустремленности и т. п. О презрении свидетельствовали указания: на случайность поступления в вуз, несамостоятельность в выборе профессии; слабость, беспомощность и неадаптивность; отсутствие стремления к достижению при отрицательном прогнозе («не будет стремиться к профессиональному успеху и не достигнет его»); приписывание предполагаемому мужу доминантных качеств или отсутствие предполагаемых качеств («подойдет любой мужчина»).

Соответствующие комбинации свидетельствовали о выраженности эмоционального отношения по обоим координатам. Так, если испытуемая заявляла, что персонаж будет стремиться к успеху и обязательно его достигнет, но будет использовать при этом все доступные, т. е. дозволенные и недозволённые, средства, то это свидетельствовало об уважении и антипатии. Если же испытуемая, указывая на несамостоятельность персонажа в выборе профессии, отсутствие цели и смысла обучения в вузе, в то же время оправдывала его или видела благоприятные изменения для него в будущем, это свидетельствовало о презрении и симпатии и т. д. Единичей счета служил текст ответов одного испытуемого на вопросы о мотивах данного персонажа (текст приписывания мотивов). Каждый такой текст по преобладанию высказываний тех или иных категорий квалифицировался как выражающий один из четырех типов эмоционально-ценностного отношения: симпатию и уважение, симпатию и презрение, антипатию и уважение, антипатию и презрение.

При анализе отношения, выраженного в ответ на инструкцию, отнесение высказываний испытуемых к одной из восьми вышеназванных категорий производилось на основе их очевидной семантической близости. Например, высказываниями, синонимичными утверждению о симпатии, мы считали те, в которых констатировались близость, понимание, теплое дружеское отношение, желание общаться, доверие, стремление к контакту составными: «симпатична, но она не личность», «понравилась бы, но осуждала бы ее зависимость от...». К этой же категории относились высказывания о снисходительности, жалости, сочувствии и сожалении и т. п. Аналогичным образом устанавливалось соответствие между высказываниями испытуемых и остальными категориями. Как и в предыдущем случае, единицей счета служил текст, но в данном случае тот, в котором испытуемые непосредственно выражали отношение к персонажам и себе.

Таким образом, на основе данной процедуры анализа использовались следующие экспериментальные показатели.

I. Эмоционально-ценностное отношение к другому: 1) спонтанно выраженное в текстах ответов на вопросы о мотивах: а) к А, б) к В; 2) выраженное в ответ на просьбу-инструкцию: а) к А, б) к В.

II. Ожидаемое отношение к себе, выраженное по просьбе-инструкции: 1) от А, 2) от В.

III. Ожидаемое отношение персонажей друг к другу: 1) А к В; 2) В к А.

В качестве дополнительных параметров выявлялись:

IV. Личностные профили, построенные по данным опросника Кэттелла, групп испытуемых, выделенных на основе различий в отношении к обоим персонажам.

V. Коэффициенты локуса контроля, полученные на основе опросника Роттера и отражающие представления испытуемых о собственном локусе контроля и локусах контроля обоих персонажей.

VI. Содержательные характеристики мотивов, приписанных персонажам и себе⁴.

Испытуемые. В опыте участвовали 90 человек — все студенты-филологи. По проведении эксперимента из дальнейшего анализа было исключено 18 протоколов, т. е. все протоколы студентов мужчин (14) и неполные протоколы (4). Таким образом, анализировались результаты опроса только 72 девушек в возрасте от 20 до 23 лет.

⁴ В настоящем изложении мы опускаем еще два задания, выполненные испытуемыми: одно из них касалось прогноза взаимоотношений в диадах (установка на общение), второе — оценки специфических трудностей, возникающих в деятельности и общении испытуемых.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В рамках настоящей статьи мы обсуждаем лишь те результаты исследования, которые необходимы для доказательства валидности методики, т. е. возможности с ее помощью исследовать переживаемое эмоционально-ценностное отношение к себе.

Прежде всего, необходимо отметить, что для подавляющего большинства испытуемых персонажи *A* и *B* оказались безразличными: 96% испытуемых выразили то или иное эмоционально-ценностное отношение к персонажам в процессе ответов на вопросы о мотивах этих персонажей, т. е. без специальной просьбы-инструкции, по собственной инициативе. По характеру этого отношения (см. выше показатели I.1a и I.1б) оказалось возможным выделить четыре группы испытуемых.

Испытуемые первой группы (28 человек) к персонажу *A* (похожему) выразили симпатию и презрение, к персонажу *B* (противоположному) — антипатию и уважение. Испытуемые второй группы (14 человек) к *A* отнеслись с симпатией и уважением, к *B* — с антипатией и презрением. У испытуемых третьей группы (14 человек) к *A* выразилась антипатия и презрение, к *B* — симпатия и уважение. Испытуемые четвертой группы (6 человек) к обоим персонажам выразили симпатию и уважение. Остальные 10 испытуемых представляли собой индивидуальные случаи, не соответствующие ни одной из названных групп.

Итак, можно констатировать, что испытуемые не только безразличны к описанным в портретах персонажам, но и по-разному относятся к ним. Этот факт примечателен сам по себе, так как в исследованиях межличностной привлекательности (аттракции) показано, что сходство объекта перцепции и его субъекта является одним из основных факторов, детерминирующих привлекательность [20, 24]. Наши данные выявляют более сложную картину: хотя большинство испытуемых относятся к сходному персонажу с симпатией (74%), есть и такие, которые относятся к сходному персонажу с антипатией (22%); наконец, отношение с симпатией может и сопровождаться, и не сопровождаться уважением к сходному другому.

Попытка использовать выраженные к персонажам отношения для анализа эмоционально-ценностного отношения к себе требует прежде всего проверки двух гипотез. Первая предполагает, что отличия в отношениях к персонажам обусловлены прежде всего разными стимулами; другими словами, уважение и презрение, симпатия и антипатия проявились в той мере, в какой были «хороши» или «плохи» изображенные в словесных портретах люди. По второй гипотезе различия в отношениях к персонажам обусловлены не самими различиями в портретах, а неким субъективным, личностным фактором — специфическим эмоционально-ценностным отношением к личностным особенностям, указанным в портретах. Какая из двух гипотез справедлива, можно проверить, сопоставив личностные профили испытуемых разных групп. Если эти профили значительно отличаются, а следовательно, разнятся и портреты персонажей (напомним, что эти портреты составлялись на основе личностных профилей испытуемых), то нет оснований исключать первую гипотезу; если же эти профили схожи, то справедлива вторая гипотеза.

На рис. 1 изображены групповые профили первых трех групп по 15 личностным факторам; сходство профилей очевидно и «на глаз». Коэффициент подобия личностных структур [21], основанный на статистике χ^2 и рассчитанный для групп с противоположными отношениями к обоим персонажам по обеим координатам (вторая и третья группы) составляет 0,58 (сходство значимо на уровне 0,1%). При анализе «с другой стороны», т. е. при поиске значимых различий между средними значениями того или иного личностного фактора (вторая и третья группы), обнаружена только одна значимая разность в 1,3 стана по фактору *C*

(уровень значимости 5%), что дает весьма незначительное преобладание характеристик «эмоционально неустойчив» в портретах персонажей А для испытуемых третьей группы. Таким образом, можно считать, что один и тот же по указанным в нем личностным факторам портрет вызывает у разных испытуемых противоположные эмоциональные отношения: симпатию и уважение в одном случае и антипатию и презрение — в другом. Другими словами, есть все основания считать справедливой вторую гипотезу: различия в эмоционально-ценностном отноше-

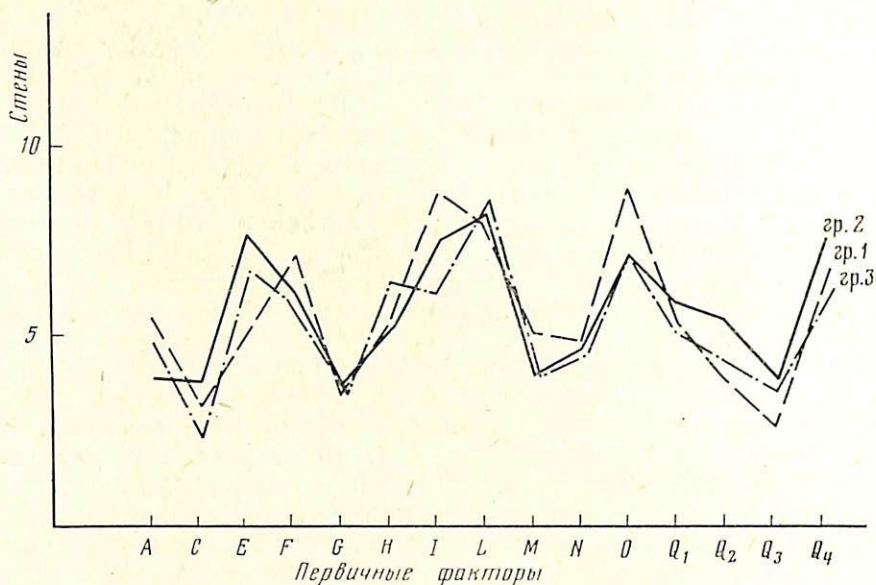

Рис. 1. Групповые профили по 15 личностным факторам опросника Кэттелла группа 1 — пунктир, группа 2 — сплошная линия, группа 3 — штрихпунктир

нии вызваны не «позитивными» или «негативными» характеристиками персонажей, а кроются в особенностях личностного отношения к указанным в портретах чертам.

Следовательно, можно говорить о том, что за отношением к подобному персонажу А стоит отношение к собственному реальному «я», и тогда за отношением к противоположному персонажу стоит отношение к «не я», т. е. к чертам, отсутствующим у испытуемого. Для доказательства обратимся к комплексу результатов, полученных для первой и самой многочисленной группы испытуемых. Как уже указывалось, эти испытуемые относятся к похожему персонажу А с презрением и в то же время с явной симпатией. Вот типичный «презрительный» ответ о мотивах поступления в вуз персонажа А: «В вуз ее привела скорее всего сила инерции: нужно высшее образование, так как это вроде бы принято, когда человек хорошо учился в школе». В то же время недостаток уважения соседствует с симпатией, желанием благоприятных перемен для персонажа в будущем, сочувствием, как, например, в высказывании: «Ей подошел бы мужчина, который возьмет ее в руки, не будучи при этом деспотом, — добрый, сильный, знающий, что — хорошо, а что — плохо». Отношение к персонажу В диаметрально противоположно: в текстах явно звучит уважение с антипатией, как в нижеследующем примере: «В вуз поступила потому, что математика ее призвание, цель жизни, и она ее добьется... Она станет ученым, но при этом может не устроить свою личную жизнь. Для того чтобы стать любимой, ей не хватает элементарной женской слабости... Мужа она себе представляет любым, лишь бы он был ее мужем... он вполне может быть посредственностью».

Итак, доказать вторую гипотезу применительно к результатам рассматриваемой группы испытуемых — значит доказать, что и к себе испытуемые относятся с недостатком уважения, так же как и к подобному персонажу. Для этого рассмотрим различные формы осознаваемых отношений и ожиданий отношений, прежде всего к персонажу *В*, выраженные в ответ на просьбу-инструкцию (I.26), и ожидаемое отношение к себе от этого же персонажа (II.2). На рис. 2, *а* эти отношения изображены в виде двухмерной диаграммы. К персонажу *В* испытуемые выражают антипатично-уважительное отношение (50% всех высказываний по группе — антипатия, 29% — уважения, 18,5% — симпатия и только

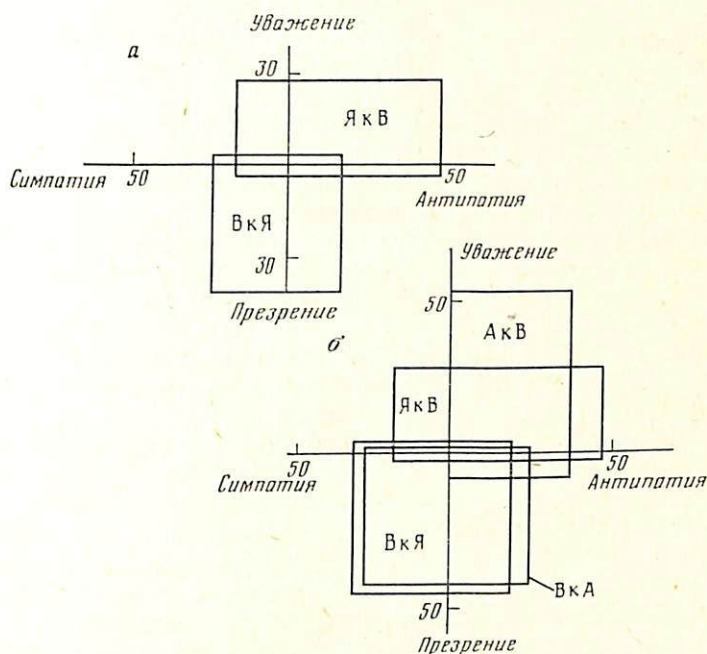

Рис. 2. Отношения испытуемых первой группы к персонажу *В* (*Я к В*) и ожидаемое от него отношение к себе (*В к Я*) (*а*); совпадение отношения к *В* (*Я к В* и *А к В*) и ожидаемого отношения от *В* (*В к Я* и *В к А*) у испытуемого и персонажа *А* (*б*) по осям отложены высказывания соответствующих категорий (процент от общего количества высказываний об отношениях)

одно высказывание — 2,5% свидетельствует о презрении). В то же время к себе от персонажа *В* испытуемые ожидают прежде всего презрения (45% всех высказываний), амбивалентны в ожидании симпатии (31% высказываний свидетельствует об ожидании симпатии и 20,5% — об ожидании антипатии) и только одно высказывание (3,5%) свидетельствует об ожидании уважения к себе. Таким образом, испытуемые, уважая противоположный персонаж, ожидают от него презрения. На наш взгляд, это несомненное свидетельство низкого самоуважения, неуверенности в ценности своих личностных качеств в глазах другого, в глазах «не я».

Тот же вывод следует и из сопоставления двух пар показателей (I.26, II.2 и III.1, III.2) (рис. 2, *б*). Отношения, в которых оказывается сам испытуемый и персонаж *А*, с третьим лицом, т. е. персонажем *В*, тождественны. И к себе, и к *А* испытуемые ждут презрения от *В*, но сами, как, по их мнению, и персонаж *А*, относятся с уважением к *В*. Можно построить, следовательно, такое умозаключение: есть два человека, они одинаково относятся к третьему, а третий одинаково относится к ним; к одному из этих двух испытуемых выразил неуважение, следовательно, если отношения с третьим важны для уважения, то это не-

уважительное отношение существует у испытуемого и ко второму. Но этот второй — сам испытуемый.

Наконец, третий аргумент в пользу гипотезы о проекции отношения к себе в виде отношения к *A* выявляется при анализе выполнения испытуемым теста локуса контроля «за себя» и «за персонажей». Линейная корреляция ответов по пунктам опросника Роттера в трех позициях в целом по группе ($n=728$) показала следующее. Ответы «за себя» положительно коррелируют с ответами за персонаж *A* ($r=0,33$, уровень значимости 0,1%), не коррелируют с ответами за персонаж *B* ($r=-0,05$); между ответами за персонажей *A* и *B* — отрицательная корреляция ($r=-0,28$, уровень значимости 0,1%). Эти данные показывают, что, отвечая за персонаж *A*, испытуемые черпают информацию в собственных интенциях на ответы и предлагают противоположность персонажей по характеру локуса контроля.

Таким образом, за отношением к подобному персонажу стоит отношение к себе. Это можно распространить и на испытуемых других групп — ход доказательства был бы аналогичным, но только на тех, у кого обязательным компонентом эмоционально-ценностные отношения к персонажу *A* является симпатия (вторая и четвертая группы). Другими словами, если испытуемый демонстрирует симпатию, близость и т. п. к похожему персонажу *A* и при этом высказывает к нему низкое уважение, это свидетельствует о низком самоуважении. Наблюдения в процессе эксперимента, прямые заявления испытуемых об их сходстве с персонажем *A* («за себя отвечать не буду, я такая же, как она») говорят о большей или меньшей осознанности низкого самоуважения, т. е. испытуемые проецируют на *A* осознаваемое эмоционально-ценностное отношение, хотя, конечно, как правило, не осознают сам факт проекции.

Гораздо более сложно обстоит дело при анализе отношения испытуемых третьей группы. Создается впечатление, что они как бы путают портреты — выражают симпатию и уважение к противоположному и антипатию и презрение к сходному персонажу. Здесь вновь возникает возможность альтернативного объяснения. Первое объяснение предполагает, что в данном случае сходный персонаж является объектом проекции неосознаваемого отношения к себе, т. е. глубинного неуважения к самому себе, а осознаваемая идентификация с противоположным персонажем — следствие психологической защиты, искажения когнитивного компонента образа «я», с помощью которого ослабляются неприятные последствия низкого самоуважения. Второе объяснение предполагает, что искажение когнитивного компонента образа «я» первично, оно является следствием каких-то иных факторов, не связанных с эмоционально-ценностным отношением к себе. Испытуемые искренне, «без задних мыслей», видят себя в *B*, поскольку неверно представляют себя, и отношение к *B* отражает их отношение к себе.

Какое из этих объяснений справедливо, можно проверить, приняв следующее допущение. Если испытуемые проецируют некоторое эмоциональное отношение к себе в форме отношения к данному персонажу, то в той мере, в какой они переживают себя близкими или далекими от него, должна усиливаться или ослабляться проекция этого отношения. Примем за меру близости сходство в ответах на шкалу Роттера и выразим количественно эту меру в виде разности коэффициентов локуса с собственной позиции и с позиции персонажа. Тогда имеем две разности $Я-A$ и $Я-B$, абсолютные величины которых являются мерами близости испытуемого с тем или иным персонажем. Если проранжировать испытуемых по величинам этих разностей и прокоррелировать полученные ранги с рангами выраженности отношения к персонажам, то можно получить ответ на поставленную альтернативу. Выраженность одного или обоих компонентов отношения к персонажу должна коррели-

лировывать со степенью близости того персонажа, который является действительным объектом проекции.

Для получения количественной меры эмоционально-ценностного отношения к персонажам мы воспользовались методом экспертных оценок. Десять экспертов оценивали тексты ответов испытуемых первой и третьей групп с точки зрения выраженности симпатии и уважения. Ранговые корреляции средних экспертных оценок и близости испытуемых с персонажами в ответах на шкалу Роттера приведены в таблице, где

Ранговые корреляции показателей близости ответов на шкалу Роттера «за себя» и «за другого» с выраженностью симпатии и уважения к персонажу (экспертные оценки)

Группа	Близость к персонажу	Симпатия		Уважение	
		к А	к В	к А	к В
Первая	А—Я	—0,40		—0,30	
	В—Я		—0,36		—0,13
Третья	А—Я	—0,47		—0,80	
	В—Я		—0,09		0,11

Примечание. Корреляция —0,40 значима на уровне 5%; корреляция —0,80 значима на уровне 1%; остальные корреляции незначимы.

показано, что для первой группы, испытуемые которой идентифицируются с похожим персонажем, симпатия коррелирует с близостью к похожему персонажу А. Для испытуемых третьей группы, которые сознательно идентифицируют себя с противоположным персонажем, близость с ним не коррелирует ни с одним из компонентов эмоционально-ценностного отношения, зато уважение значимо коррелирует с близостью к похожему персонажу А. Таким образом, результат показывает справедливость первой гипотезы: действительным объектом проекции является похожий персонаж и, следовательно, отношение к нему выражает собственное неосознаваемое отношение к себе. В пользу этой гипотезы можно привести и дополнительные свидетельства, показывающие, что испытуемым этой группы не удается на глубинном уровне идентифицироваться с противоположным персонажем.

Ответы на шкалу локуса контроля с собственной позиции находятся в практически одинаковой положительной линейной корреляции с В- и А-ответами (соответственно 0,19 и 0,21, уровень значимости 0,1%). Количество сходных фразеологических оборотов в Я- и В-ответах на вопросы о мотивах приблизительно одинаково с числом сходных оборотов в Я- и А-протоколах (53 и 47% от общего числа сходных оборотов). В отличие от этого в аналогичной по численности второй группе это количество распределяется явно в пользу А- и Я-сходства (82% против 18%). В отношении к третьему лицу А испытуемый и персонаж В оказываются различными. Так, например, от В к А испытуемый ожидает в основном презрения, затем симпатии, а потом антипатии. В то же время собственное отношение к А прежде всего антипатично. Испытуемый предполагает презрительно-снижающее отношение к своему неузнанному двойнику и, вероятно, за это выражает к нему антипатию, как бы отдаляясь от него.

Итак, существуют достаточно веские аргументы в пользу проективности эмоционально-ценностного отношения к сходному персонажу. Оно выражает в различной степени осознаваемое отношение к себе в том случае, если испытуемый переживает симпатию и близость к персонажу, и бессознательное отношение к себе, если испытуемый относится к сходному персонажу с антипатией. Следовательно, мотивы и установки на общение, приписанные сходному персонажу, более верно отражают мотивы и установки самого испытуемого.

Приведем лишь наиболее характерное расхождение между мотивами, приписанными себе и сходному персонажу испытуемыми первой группы. В учебной деятельности таким мотивом оказался интерес к профессии. Испытуемые указывали на специфику профессии как рода деятельности в качестве причины поступления в вуз и дальнейшего учения. В ответах «за себя» интерес к профессии составил 21% от всех упоминаний о мотивах, в ответах за персонаж А преобладали высказывания, в которых этот мотив специально отрицался. С нашей точки зрения, есть все основания доверять А-показателям, т. е. считать, что испытуемые сами не имеют истинного интереса к профессии, и в этом, по-видимому, одна из причин их низкого самоуважения. Однако это вовсе не означает, что испытуемые не интересуются предметом своего учения. Соответствующая категория «интерес к предмету» (как к совокупности фактов, явлений, закономерностей, т. е. как специфическому знанию) упоминалась почти одинаково как для себя, так и для похожего персонажа (21 и 18% от всех упоминаний соответственно «за себя» и «за А»). Другими словами, испытуемые интересуются предметом — филологией скорее как литературой вообще, чем как специфической профессиональной деятельностью.

ОБСУЖДЕНИЕ ВАЛИДНОСТИ МЕТОДИКИ⁵

Имманентная валидность. Валидность этого типа устанавливается анализом соответствия методики признакам психического свойства, подлежащего диагностике. В упрощенной и схематизированной форме основные теоретические представления об эмоционально-ценностном отношении личности к себе могут быть сведены к четырем положениям: оно проявляется в форме 1) переживаемого отношения к себе (осознаваемого или неосознаваемого), 2) ожидаемого отношения другого к себе и 3) отношения к другому; эмоционально-ценностное отношение к себе выражается в двух психологических измерениях — симпатия — антипатия и уважение — презрение; отношение к себе интегрирует частные самооценки, возникающие в ведущих деятельности; переживаемое отношение к себе испытуемый может эффективно маскировать как от экспериментатора, так и от самого себя, если используются прямые вербальные самоописания.

На наш взгляд, предложенная нами методика соответствует этим положениям. В частности, учет последнего положения достигается использованием проективного приема: испытуемый считает, что говорит как ответы про другого, облегчая себе этим выражение отношения к себе. При этом характеристики, указанные в портретах, играют роль пускового сигнала: сознательно или неосознанно усмотрев сходство, испытуемый совершает операцию, подобную перцептивному дополнению, изученному гештальтпсихологами. В своем воображении испытуемый дополняет образ, причем вопросы побуждают дополнять образ именно в аспекте проявления человека в ведущих для него деятельности. Значимость затрагиваемых сфер деятельности актуализирует всю систему эмоционально-ценностного отношения испытуемого. Другой особенностью «стимульного материала» является присутствие двух контрастных портретов. Это побуждает испытуемого к их дальнейшей дифференциации путем приписания разных мотивов, а затем и к дифференциации отношения к персонажам. Тем самым и часто полусознанное отношение к себе становится более очевидным не только для экспериментатора, но, как показывают наши наблюдения, и для самого испы-

⁵ За основу классификации видов валидности мы приняли предложенную Ю. З. Гильбухом.

туемого. Еще одно достоинство использования в качестве объектов эмоционально-ценностного отношения синтезированных экспериментатором портретов, а не реальных людей из референтного окружения испытуемого, заключается в том, что только в этом случае отношение минимально подвержено ситуации и его можно с уверенностью квалифицировать как стойкую личностную характеристику.

Оценочная валидность. Под этим видом валидности в данном случае понимается сопоставление показателей отношения к персонажам, полученных с помощью контент-анализа, с экспертными оценками выраженности этого отношения в текстах ответов на вопросы о мотивах. Понятно, что выявление такого соответствия показывает валидность диагностики лишь одной формы эмоционально-ценностного отношения — отношения к другому. Выборочный подсчет ранговых коэффициентов корреляции показал достаточно высокое соответствие обоих способов оценки. Коэффициенты корреляции между контент-аналитической оценкой и оценкой экспертов-женщин колебались от 0,44 до 0,60, а между первой оценкой и оценкой экспертов-мужчин — от 0,40 до 0,56 (все корреляции значимы на уровне 0,1%). Коэффициент корреляции между оценками двух групп экспертов составил 0,86. Эти же данные, на наш взгляд, свидетельствуют о надежности разработанной системы показателей.

Конструктивная валидность. Этот вид валидности в данном случае должен отражать степень обоснованности утверждения о том, что наша методика отражает эмоционально-ценностное отношение именно к себе. Цель нашего исследования — доказать это преимущественно в аспекте возможности выявления переживаемого эмоционально-ценностного отношения (возможность выявления двух других форм отношения представляется более или менее очевидной). Было показано, что отношение к персонажам не было спровоцировано самими особенностями стимульных портретов и, следовательно, коренится в личностных особенностях испытуемых. Также было показано, что низкое уважение к похожему персонажу, к которому одновременно выражается симпатия, свидетельствует о низком переживаемом самоуважении, причем это переживание более или менее сознательно и сопровождается ожиданием неуважения со стороны непохожего другого, несмотря на собственное уважение к нему. Низкое уважение и антипатия к похожему персонажу свидетельствуют о неосознаваемом низком самоуважении и в целом — о неприязни себя. Искажение самовосприятия является, по-видимому, следствием этого неприятия. Отметим, однако, что приведенные в поддержку выдвинутых положений данные — лишь первый шаг в установлении конструктивной валидности: необходима дальнейшая экспериментальная и клиническая проверка.

Конвергентная валидность. В данном случае этот вид валидности может быть установлен с помощью нахождения корреляции между выраженностью эмоционально-ценностного отношения и какой-либо другой психической особенностью, которая теоретически должна коррелировать с этим отношением. В качестве такой психической особенности мы использовали локус контроля. В самом деле, внешний локус контроля, предполагающий убежденность человека в неспособности влиять на события своей жизни и успешность собственных действий, должен отрицательно коррелировать с уважением к нему; в то же время внутренний локус контроля — убеждение человека в том, что он является хозяином собственной судьбы, — должен положительно коррелировать с уважением. Но нет никаких оснований предполагать связь между локусом контроля и симпатией. Соответствующий анализ выявил именно такой характер корреляционных связей: уважение к персонажу высоко коррелирует с локусом контроля (более уважаемым приписывается более внутренний локус, $r=0,74$, уровень значимости 0,1%); выраженность симпатии не коррелирует с приписанным локусом ($r=-0,09$). Соответ-

ственно сходным персонажам, к которым демонстрируется низкое уважение (первая и третья группы), приписывается внешний локус контроля ($L = -0,47$ для первой группы и $L = -0,52$ — для третьей), в то время как уважаемому сходному персонажу приписывается внутренний локус ($L = 0,18$).

ВЫВОДЫ

Методика позволяет исследовать эмоционально-ценностное отношение к себе и тем самым делает возможным как дифференциально-психологическое исследование — выявление различий в эмоционально-ценностном отношении у разных категорий людей в зависимости от пола, возраста, профессии, психологической ситуации развития и т. п., так и общепсихологический анализ — определение роли и функций отношения в структуре личности и влияние его характера на процесс общения и взаимодействия человека с другими людьми. Кроме того, методика делает возможным исследование ряда других личностных характеристик — мотивов и установок на общение (тех характеристик, которые испытуемый приписывает по условиям инструкции другому — синтезированному персонажу). В этом случае выраженность эмоционально-ценностного отношения к персонажу выступает в виде условия надежности выявления той или иной характеристики и специфического ключа, позволяющего расшифровывать форму (сознательное — бессознательное, желаемое — отвергаемое), в которой различные мотивы или установки существуют для субъекта.

Специфической чертой применения данной методики в психодиагностических целях является то, что диагностируемые с ее помощью нарушения или недостатки в эмоционально-ценностном отношении личности к себе могут быть эффективно коррегируемы психолого-педагогическими методами. Именно это требование, т. е. направленность диагностики на психологическую коррекцию и соотнесенность ее с имеющимися методами коррекции, становится актуальным [6, 8]. Эмоционально-ценностное отношение к себе генетически связано с отношениями с другими и описывается с помощью данной методики именно в такой форме; но отношения с другими, процесс общения — тот вид деятельности, который может регулироваться специалистом-психологом, педагогом, психотерапевтом. Групповая психотерапия [9], социально-психологический тренинг [2] и являются такими процессами общения, в которых создаются условия для изменения эмоционально-ценностного отношения личности к себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 62.
2. Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. О методах активной социально-психологической подготовки. — Вестн. МГУ. Сер. Психология, 1977, № 1, с. 53—61.
3. Бодалев А. А. Формирование понятия о другом человеке как о личности. Л., 1970.
4. Бодалев А. А. О состоянии и направлениях развития психологии познания людьми друг друга. — В сб.: Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания. Краснодар, 1977, с. 8—11.
5. Бодалев А. А. Личность и общение. — В кн.: Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1977, с. 3—14.
6. Войтко В. И., Гильбух Ю. З. О некоторых основных понятиях психодиагностики. — Вopr. психологии, 1976, № 4, с. 16—30.
7. Гильбух Ю. З. Актуальные проблемы валидности психологических тестов. — Вopr. психологии, 1978, № 5, с. 108—118.
8. Давыдов В. В., Фельдштейн Д. Н., Эльконин Д. Б. Психологическая служба в СССР: её задачи, содержание и организация. «Круглый стол». — Вopr. психологии, 1979, № 2, с. 10—11.
9. Кабанов Н. Н. Изменение теоретической перспективы психиатрии. — В кн.: Теоретико-методологические аспекты пограничной психиатрии. Л., 1979, с. 5—14.
10. Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978.
11. Леонтьев А. А. Деятельность и общение. — Вopr. философии, 1979, № 1, с. 121—132.
12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

13. *Обозов Н. Н.* Межличностные отношения. Л., 1979.
14. *Ломов Б. Ф.* Категории общения и деятельности в психологии.— *Вопр. философии*, 1979, № 8, с. 34—47.
15. *Ломов Б. Ф.* Общение как проблема общей психологии.— В кн.: *Методологические проблемы социальной психологии*. М., 1975, с. 124—135.
16. *Розен Г. Я.* Самопознание как проблема социальной перцепции.— В сб.: *Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания*. Краснодар, 1977, с. 169—174.
17. *Розен Г. Я.* Психология познания как самостоятельное направление исследований.— В сб.: *Зарубежные исследования по психологии познания*. М., 1977, с. 13—61.
18. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1972.
19. *Чеснокова И. И.* Проблема самопознания в психологии. М., 1977.
20. *Baron P., Byrn D., Griffit W.* Social Psychology. Boston, 1974.
21. *Cattell R. B., Eber H. W., Tatsuoka M. M.* Handbook for Sixteen Personality Factors Questionnaires. Illinois, 1970.
22. *Epstein S.* Unconscious self-evaluation in normal and schizophrenic group.— *J. Abnormal and Social Psychol.*, 1955, v. 50, p. 65—70.
23. *Holmes D.* Dimension of Projection.— *Psychol. Bull.*, 1968, v. 69, № 4, p. 248—268.
24. *Huston T., Levinger G.* Interpersonal attraction and relationships.— *Ann. Rev. Psychol.*, 1978, v. 29, p. 115—156.
25. *Leary T. F.* Interpersonal Diagnosis of Personality. N. Y., 1957.
26. *McClelland D. S.* Methods of measuring Human motivation.— In: Ed. by Y. W. Atkinson. *Motiv in Fantasy, Actions & Society*, N. Y., 1958, p. 7—42.
27. *Mead G. H.* Mind, Self & Society. N. Y., 1934.
28. *Murray H.* Thematic Apperception Test Manual. Cambridge, 1943.
29. *Rosenberg H.* Society and Adolescent Self-Image. Princeton, 1965.
30. *Rotter I. B.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychol. Monogr.*, 1966, v. 80, № 1 (Whole № 609).
31. *Wylie R. E.* The Self-Concept. Lincoln, 1974.
32. *Wolff W.* The expression of Personality: Experimental depth psychology. N. Y., 1943.

Поступила в редакцию
15.VI.1980

приводит эмпирические данные, рассматривает условия сработанности и совместимости. Сходство или различие темпераментов, характеров, мотивации и других личностных особенностей членов коллектива оказываются, по мнению автора, существенным регулятором успешной деятельности и социально-психологического климата.

А. С. Чернышев и Е. И. Тимошук в своей статье обращают внимание на особенности социально-психологического климата в коллективах различной организованности. Понятие об организованности как психологическом параметре группы или коллектива ввели в отечественную литературу сотрудники Курской социально-психологической лаборатории, хотя классификация групп по признаку организованности, разумеется, использовалась и ранее.

В результате изучения 150 контактных коллективов авторам удалось установить, что для высокоорганизованных коллективов характерно соответствие субъективных и объективных слагаемых психологического климата. В низкоорганизованных группах субъективная составляющая климата могла быть сходной с той, что наблюдалась в подлинных коллективах, однако она не имела объективной основы и ока-

зывалась неустойчивой в экстремальных ситуациях. Тем самым было получено эмпирическое доказательство относительной самостоятельности таких аспектов целостной групповой деятельности, как психологический климат и организованность. Этот факт имеет важное значение для понимания социально-психологического климата.

Второй раздел монографии посвящен методам исследования социально-психологического климата. Его открывает статья А. А. Русалиновой, детально описывающая этапы эмпирического исследования социально-психологического климата в первичных производственных коллективах. Попутно автор останавливается на некоторых методических вопросах анкетирования в коллективе. В статье приложен образец анкеты, используемой для изучения климата на промышленном предприятии.

А. Л. Журавлев описывает удобный в использовании опросник для определения стиля руководства коллективом, который занимает важное место в ряду факторов, формирующих социально-психологический климат. Достоинством разработанной методики экспертной и групповой оценки является соблюдение в нем требований, исключающих или сводящих к минимуму (Продолжение. См. стр. 123, 145).